

УДК 801.81:82-91

*А. Л. Калашникова, Е. Ю. Поселенова***НАСЛЕДИЕ СИБИРСКОЙ КОММУНЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ УЧЕНИЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО В РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ**

В статье рассматривается влияние идей толстовства на развитие и трансформацию региональной культурной системы. На примере локальных традиций населения южных районов Кемеровской области прослеживается взаимодействие книжной и устной словесных культур. Выделяются основные мировоззренческие положения сибирской коммуны и их преломление в словесном творчестве коммунаров.

Ключевые слова: региональный фольклор, литература, толстовство, толстовская коммуна, Г. Турк.

*A. L. Kalashnikova, E. Yu. Poselenova***HERITAGE OF THE SIBERIAN COMMUNE OF L. N. TOLSTOY'S DOCTRINE
FOLLOWERS IN REGIONAL CULTURAL SYSTEM**

The article reviews the influence of Tolstovstvo ideas on development and transformation of regional cultural system. As the example of local traditions of the population of the southern regions of the Kemerovo region shows, an interaction of book and verbal cultures is traced. The basic world outlook provisions of the Siberian commune and their refraction in verbal creativity of communards are allocated.

Keywords: regional folklore, literature, Tolstovstvo, Commune of Tolstoy, G. Turk.

Локальные традиции зачастую выходят за рамки магистрального развития традиционной культуры. Разного рода мировоззренческие парадигмы оказывают влияние на формирование региональной культурной системы. Одним из маркеров этого явления становится специфика словесного творчества [2; 3; 4; 9, с. 266–267]. Примером подобного смещения культурных акцентов является наследие толстовской коммуны, существовавшей в 30-е годы XX века в поселке Абашево Новокузнецкого района Кемеровской области. В июле 2012 года при поддержке Администрации Кемеровской области и Российского гуманитарного научного фонда¹ состоялась экспедиция, организованная Фольклорной лабораторией КемГУ,

целью которой было изучение культурного наследия толстовской коммуны в Кузбассе. Участниками экспедиции в ходе бесед с потомками коммунаров были собраны материалы о жизни и мировоззрении толстовцев.

Единомышленники и друзья Толстого, среди которых можно отметить В. Г. Черткова, П. И. Бирюкова, И. И. Горбунова-Посадова, инициировали создание объединения последователей учения писателя. В 1920-х годах в Московской области действовала толстовская коммуна «Жизнь и труд», которая к 1930 году была запрещена властями. Но существование эта коммуна не прекратила. В начале 1931 года из центральных областей страны последователи толстовского учения переехали в Сибирь. Вдохновителем и первым председателем сибирской коммуны стал Б. В. Мазурин, воспринявший идеи Толстого от отца – убежденного толстовца, лично знакомого с писателем. В пос. Абашево

¹ Научно-исследовательский проект «Фольклорная ситуация Кемеровской области: локальные традиции» (региональный конкурс 2012 года) № 12-14-42003.

было создано три коммуны: «Жизнь и труд», «Мирный пахарь», «Всемирное братство», которые впоследствии были реорганизованы в колхоз, сохранивший название «Жизнь и труд». Основываясь на религиозно-этическом учении Толстого, отразившемся в позднем творчестве и публицистике писателя, коммуны воплощали в жизнь идеи непротивления злу, отказ от употребления спиртных напитков и табака, гуманное отношение к животным, вегетарианство, естественный труд. Свободомыслие и христианизированные принципы ненасилия были негативно восприняты властями, которым претила независимость коммуны. Кроме того, последователи учения Толстого даже во время Великой Отечественной войны отказывались от несения военной службы, а это расценивалось в те годы как преступление против государства. Многие толстовцы были расстреляны или сосланы в лагеря, где большинство из них погибло. Но те, кому удалось выстоять в тяжелейших условиях лагерной жизни, вернувшись в поселок, не отказались от своих идей, а, напротив, еще больше укрепились в мыслях о необходимости жизни в любви к ближнему и окружающему миру. В конце 1930-х годов после сталинских репрессий коммуна была преобразована в колхоз, который в связи с началом строительства горнодобывающей шахты к 1949 году был перенесен в пос. Тальжино. Сегодня потомки толстовцев хранят память об их духовном подвиге, стремясь, несмотря на перемены в жизни, следовать идеалам толстовства, среди которых одной из основных и чтимых до сих пор является мысль о жизни в единении с коллективом, очень точно сформулированной Л. Н. Толстым в рассказе «Чем люди живы»: «Я понял, что Бог не хотел, чтобы люди врозь жили, и затем не открыл им того, что каждому для себя нужно, а хотел, чтоб они жили заодно, и затем открыл им то, что им всем

для себя и для всех нужно» [11, т. 25, с. 27]. Потомки коммунарков до сих пор собираются на праздники и памятные даты в Тальжино, приезжают даже те, кто живет сейчас далеко от малой родины.

По замечанию составителей сборника документальных и публицистических материалов «Лев Толстой и Сибирь», через полвека после смерти Толстого «соблюдение догматически строгого вегетарианства оставалось, возможно, единственным, что являло собой отблеск некогда слитного, смутно понятого, в основном, крестьянами, сложного учения Толстого, к которому он сам пришел после мучительных раздумий» [5, с. 15]. Меняющийся мир диктовал новые условия жизни и не позволял уже работать на земле так, как это делали первые коммунары, поэтому вегетарианство оставалось едва ли не единственным материальным подкреплением продолжающего жить учения Толстого. Главным принципом толстовцев, сильнее всего проявляющимся в вегетарианстве до сих пор остается непротивление злу. И. С. Токарев, выросший в семье тальжинского коммунара и с самого детства впитывавший гуманистические принципы, в свои 79 лет не приемлет курения и употребления алкоголя, не использует бранных слов, до сих пор ведет вегетарианский образ жизни. «Все живое и даже растения, – говорит Иван Сергеевич, – это души наших предков. И, может быть, убивая животных, мы убиваем своих предков, а нас будут убивать потомки. Вегетарианцы так рассуждают: от мясоедения – к всеобщей растительной пище, от всеобщей растительной пищи – к плодам. У плодов мы поедаем оболочку, а семена выбрасываем – тем самым, не уничтожаем, а содействуем».

Составители сборника «Лев Толстой и Сибирь» в статье «Толстовский рецепт для “строителей коммунизма”» высказали точку зрения о том, что тальжинское толстовство

в большей степени было формализовано, что связано с «простотой понимания» идей писателя, которые сводились к необходимости «прилежно трудиться, жить коммуной (всем все поровну), доброжелательно относиться друг к другу и соблюдать вегетарианство» [10, с. 439]. Следует отметить излишнюю категоричность этой позиции, не учитывающей высокий уровень личной культуры и большой процент грамотности среди жителей коммуны и их детей. Кроме того, важным в понимании сибирского толстовства является культ письменного слова.

Отраженная в названии коммуны концепция содружества жизни и труда отводила значительную роль духовному развитию человека в свободное от работы время. В Абашево было создано несколько «домашних» кружков: философский, изучения иностранных языков, хорового исполнения. Примечательно, что в песенный репертуар хора, главным образом, входили авторские тексты. Инициатором изучения толстовской коммуны в Кузбассе, Б. А. Гросбейном, были названы стихотворения Н. А. Некрасова, А. М. Добролюбова, С. Я. Надсона и особенно «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова и «Silentium!» Ф. И. Тютчева, которые имеют исключительный философский смысл [6]. Стихотворения не только исполнялись в песенной форме, но и декламировались во время общих собраний членов коммуны. Один из потомков коммунаров, А. Н. Соболинский, вспоминает: «Где-то в марте был день Толстого. Собирались в столовой, пели песни, стихи читали Пушкина, литературу, стихотворения, рассказы и учение Толстого. У нас и свои были (поэты – А. К., Е. П.)». Интерес к звучащему поэтическому слову сохранился среди потомков толстовцев, которые на традиционных встречах продолжают традицию публичного чтения художественных произведений [5, с. 79]. И даже обращаясь к вопросу

о вегетарианстве наши собеседники процитировали (наизусть!) известный фрагмент из 15-й песни «Метаморфоз» Овидия, перевод которых с латинского был в своё время осуществлен Л. Н. Толстым. Но коммунарами и их потомками осваивались не только сочинения, непосредственно имеющие отношения к Толстому. Так, например, настольной книгой И. С. Токарева в свое время была «Этика пищи или нравственные основы безубойного питания для человека» Х. Уильямса, опубликованная на русском языке в 1893 году.

В целом можно говорить об особой ценности литературного наследия для сторонников учения Толстого. Стоит отметить феномен культового отношения толстовцев к письменному слову. В каждом доме хранились и передавались по наследству дореволюционные издания поздних сочинений Толстого, а также их рукописные копии и конспекты. Через рецепцию позднего творчества Толстого коммунары постигали основы философии античных и древних восточных мудрецов. Примеры составления подобных конспектов и рукописных антологий можно найти в рукописном наследии В. П. Мазурина, хранящемся в «Музее духовной и материальной культуры друзей и последователей Л. Н. Толстого в Кузбассе» (п. Тальжино).

Восприятие книжного слова формировало созерцательный тип мыслительной деятельности и потребность к самостоятельному освоению и осмыслению канонических текстов. Результатом рецептивной деятельности стали многочисленные попытки реализации собственного писательского потенциала. Одним из примеров является поэтический дневник отца председателя сибирской коммуны В. П. Мазурина «В царстве жизни», сборники стихотворений Г. Тюрка, публицистика Я. Д. Драгуновского. В. П. Мазурин писал в предисловии к своему поэти-

ческому дневнику: «Писал я не потому, что хотел написать что-то, а потому, что не мог не писать. Мне хотелось выразить, и я выражал одну мысль: жизнь человеческая есть высочайшая радость сейчас, сию минуту в этом мире, здесь на земле» [8, с. 121]. 35 лет своей жизни А. Г. Гросбейн, отец Б. А. Гросбейна, отдал исследованию Евангелия в диалоге с учеными и писателями середины XX века (рукопись «Краткое изложение учения Иисуса (прозванного Христом)», «Что такое религия») [5, с. 66]. Воспоминания о жизни коммуны, написанные её лидером Б. В. Мазуриным, были поставлены в один ряд с «Колымскими рассказами» В. Т. Шаламова, «Наскальной живописью» Е. А. Керсновской, «Архипелагом ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

Следование принципам религиозно-философского учения Л. Н. Толстого не только в творчестве, но и в жизни является характерной чертой поэтов-толстовцев, художественное наследие которых на сегодняшний день остается малоизученным. Одним из интересных фактов самоопределения локальной культурной традиции абашевских коммунаров становится написание в 1833 году поэтом Г. Тюрком (цит. по: [7, с. 190]) «Гимна коммуны “Жизнь и труд”». Приведем текст стихотворения полностью:

*Боже, Боже, неужели
Нам заказан путь Отца?
Дай нам радость в униженье,
Верой укрепи сердца!*

*Боже, Боже, дай нам вместе
Жить, трудиться и страдать.
Чем дела любви безвестней,
Тем важнее их свершать.*

*Ах, разлейся радость чистых
Светлых дум живой волной,
Заблуждений ненавистных
Жгучий яд собою смой!*

*Иль за тучами не ясны,
Не лазурны небеса?
Иль насильникам подвластны
Так и будем до конца?*

*Жизнь – высокое служенье,
А не хитрая игра.
Дай нам радость в униженье,
Дай нам верить в Путь Добра!*

Заглавие стихотворения определяет его жанровую природу – гимн. В наиболее привычном современном понимании гимн представляет собой «торжественную песнь, прославляющую единство и мощь государства и являющуюся, наряду с государственным флагом и гербом, важнейшим элементом державной символики» [12, с. 180]. Написание Г. Тюрком «Гимна коммуны “Жизнь и труд”» в 1933 году представляется вполне закономерным. Начало 1930-х годов – период формирования устоев нового сообщества, когда возникает необходимость в программных текстах, регламентирующих правила поведения: создается устав коммуны «Жизнь и труд» и пишется гимн, декларативно утверждающий основы религиозно-философского учения Л. Н. Толстого как принципы жизни.

В другом значении гимн понимается как «торжественная песнь, обращенная к боже-ству; первоначально – часть архаического ритуала богопочитания, хоровая обрядовая песня, имеющая своей целью привлечение внимания боже-ства и получение от него поддержки» [12, с. 178]. Архаический вариант жанрового определения в значительной мере применим к «Гимну» Г. Тюрка, который обнаруживает функциональные и архитектурные признаки, характерные для стихотворных молитв.

По определению исследователя русской стихотворной молитвы Э. М. Афанасьевой, этот жанр поэзии ориентирован на «воспроизведение молитвенного дискурса в контексте молитвенной формы» [1, с. 7],

его архитектурными признаками являются звательная форма (воззвание к боже-ству) и императив (просьба). Стихотворение Г. Тюрка открывается обращением к Богу: «Боже, Боже...». Как отмечает Э. М. Афанасьева, «именование-призывание высшего божественного начала в “молитве” играет роль диалогической завязки, распаивающей лирическое событие в “иносферу”» [1, с. 8]. В данном случае божественная сфера не только подразумевается, но и имеет конкретное определение – «путь Отца». Вопрос о возможной причастности к этому пути определяет горизонт духовных устремлений субъекта высказывания, для которого «путь Отца» является наивысшей целью.

Императивная часть построена на контрастном соотношении понятий: просящий молит о «радости», но «в униженье», хочет «жить, трудиться и страдать». Похожий принцип лежит в основе утверждения «Чем дела любви безвестней, / Тем важнее их свершать». Кажущаяся парадоксальность приведенных примеров находит объяснение в принципах религиозно-философского учения Л. Н. Толстого. Так, «униженье» выступает аналогом христианского смирения, а также «опрощения», идеи возвращения к народным истокам. Синонимический ряд «жить, трудиться и страдать» восходит к толстовской идее о необходимости личного труда каждого человека как залоге гармоничного существования всего общества. Страдание же, по-видимому, должно осмысляться в христианском контексте как путь к духовному очищению. Нельзя не отметить также коллективный характер обращения в данном случае: субъект лирического высказывания – «лирическое мы» – выступает от целой группы, объединения, связанного общими ценностями. Акцент на коллективном характере имеет особый смысл: совместная жизнь, труд и страдание становятся этической программой, в полной мере нашедшей реализацию в судьбе коммуны «Жизнь и труд».

Противопоставление истины и ложных убеждений, идеи личностной свободы и насилия реализуется в третьей и четвертой строфе стихотворения в знаковых образах: «живая волна» чистых дум – «жгучий яд» заблуждений; «тучи» – «лазурны небеса». Идея истинной веры, не искаженной привнесенными ложными смыслами, – один из основополагающих принципов учения Л. Н. Толстого, явившийся плодом размышлений писателя в 1870–1880 годы. Так, в его «Критике догматического богословия» христианские принципы, изложенные в трудах отцов церкви (Филарета, Макария и др.) называются искусственным сводом выражений «верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих» [11, т. 23, с. 63]. Примечательно, что в стихотворении Г. Тюрка толстовские идеи получают воплощение в образах макрокосмического масштаба («волна», «небеса»), задавая ценностную вертикаль этически осмысленного мироздания.

Этический характер осмысления жизни в полной мере оправдывает пафос финальной строфы, в которой жизнь понимается как «высокое служенье, а не хитрая игра». Нравственный долг человека определяется учением Л. Н. Толстого как совершенствование своей души и любовь к ближнему, а в стихотворении Г. Тюрка находит воплощение в соотношении жизни и пути – пути Отца и пути Добра, которому должен следовать каждый человек.

Специфика формы и жанровая природа «Гимна коммуны “Жизнь и труд”» Г. Тюрка заслуживает специального комментария в рамках размышлений о культурном наследии коммунаров. Значимым становится тот факт, что в роли гимна коммуны в данном случае выступает стихотворная молитва, то есть не каноническая, а литературная. Это обстоятельство актуализирует религиозный, но внецерковный, книжный, но недогматический характер мировоззрения членов коммуны.

Лирическое стихотворение становится альтернативой канонического текста, восполняя тем самым потребность богообщения вне ритуальных форм.

Культурная ситуация, существующая на протяжении почти века на территории поселков Абашево, а затем Тальжино, отличается особой автономностью от традиционной народной культуры. А. Н. Соболинский вспоминает о том, что в коммуне «обрядов не было, невесту не крали там: по Льву Николаевичу это всё запрещено», замечание И. С. Токарева подтверждает эту мысль: «у нас обрядов не было, Толстой отрицал

обряды все». Аутентичные культурные парадигмы были вытеснены в коммунарской среде религиозно-философским учением Толстого, обусловившим тяготение к книжной традиции. Возникает ситуация противопоставленности культуры коммунаров региональной фольклорной системе, ориентированной на народное творчество. Обособленность от народной традиции сформировала элитарный характер духовного быта толстовцев, несмотря на крестьянскую форму их жизни. Это позволяет говорить о дифференциации локальной культуры на территории юга Кемеровской области.

Литература

1. Афанасьева Э. М. «Молитва» в русской лирике XIX века: логика жанровой эволюции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2000.
2. Афанасьева Э. М. Исследование сибирского фольклора в Кемеровском государственном университете // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – Т. 3. – № 4(52). – С. 45–48.
3. Афанасьева Э. М. История исследования фольклорной картины мира Кемеровской области // Фольклорная картина мира: сб. науч. работ / ГОУ ВПО «КемГУ». – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. – С. 5–7.
4. Афанасьева Э. М., Калашникова А. Л. Фольклорная ситуация Кемеровской области: локальные традиции (о реализации регионального гранта РГНФ 2012 года) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: мат-лы III конгресса РОПРЯЛ. – СПб., 2012. – Т. 1. – С. 516–519.
5. История моего Тальжино. Из рукописи Б. А. Гроссбейна // Лев Толстой и Сибирь: сб. документальных и публицистических мат-лов / сост., авт. пред. М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 3.
6. Калашникова А. Л. Душевный микрокосм в художественном мире Ф. И. Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, элизим теней...» // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 163–167.
7. Лихачева Ю. В. Гюнтер Тюрк: от штрихов ономатологии до сюрпризов географии // Российские немцы. – 2003. – № 3(35).
8. Мазурин В. П. В царстве жизни // Лев Толстой и Сибирь: сб. документальных и публицистических мат-лов / сост., авт. пред. М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. 2.
9. Поселенова Е. Ю. Феномен русской паломнической литературы в контексте духовного образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 19–2. – С. 260–268.
10. Толстовский рецепт для «строителей коммунизма» // Лев Толстой и Сибирь: сб. документальных и публицистических мат-лов / сост., авт. пред.: М. М. Кушникова, В. В. Тогулев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. 2.

11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. – М., 1992.
12. Юрченко Т. Г. Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред., сост. А. Н. Николюкин. – М., 2001.

Literatura

1. Afanaseva E. M. «Molitva» v russkoy lirike XIX veka: logika zhanrovoy evolutzii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tomsk, 2000.
2. Afanaseva E. M. Issledovanie sibirskogo folklora v Kemerovskom gosudarstvennom universitete // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – Т. 3. – № 4(52). – С. 45–48.
3. Afanaseva E. M. Istoriya issledovaniya folklornoy kartiny mira Kemerovskoy oblasti // Folklornaya kartina mira: sb. nauch. rabot / GOU VPO «KemGU». – Tomsk: Izdatel'stvo TGPU, 2009. – С. 5–7.
4. Afanaseva E. – M., Kalashnikova A. L. Folklornaya situatsiya kemerovskoy oblasti: lokalniyetraditsii (o realizatsii regionalnogo granta RGNF 2012 goda) // Dinamika yazykovih i kulturnih protsessov v sovremennoy Rossii: mat-ly III kongressa ROPRYAL. – Spb., 2012. – Т. 1. – С. 516–519.
5. Istoriya moego Taljino. Iz rukopisy B. A. Grosbeyna // Lev Tolstoy I Sibir: sb. dokumentalnyh i publitsisticheskikh mat-lov / sost., avt. pred.: M. M. Kushnikova, V. V. Togulev. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. – Vyp. 3.
6. Kalashnikova A. L. Dushevniy mikrokosm v hudozhestvennom mire F. I. Tutcheva: «Silentium!» i «Dusha moya, elizium teney...» // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 1. – С. 163–167.
7. Lihacheva Yu. V. Gunter Turk: ot shtrihov onomatologii do surprizov geografii // Rossiiskie nemtzy. – 2003. – № 3(35).
8. Mazurin V. P. V tzarstve jizni // Lev Tolstoy I Sibir: sb. dokumentalnyh i publitsisticheskikh mat-lov / sost., avt. pred.: M. M. Kushnikova, V. V. Togulev. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. – Vyp. 2
9. Poselenova E. Yu. Fenomen russkoy palomnicheskoy literatury v kontekste duhovnogo obrazovaniya // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 19–2. – С. 260–268.
10. Tolstovskiy retsept dlya «stroiteley kommunizma» // Lev Tolstoy I Sibir: sb. dokumentalnyh i publitsisticheskikh mat-lov / sost., avt. pred.: M. M. Kushnikova, V. V. Togulev. – Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. – Vyp. 2
11. Tolstoy L. N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. – М., 1992.
12. Yuorchenko T. G. Gimn // Literaturnaya enciklopediya terminov I ponyatiy / gl. red., sost. A. N. Nikolukin. – М., 2001.